

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО

СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ, МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

Материалы V Международной научно-практической конференции

31 мая – 1 июня 2007 г.

Улан-Удэ

Издательство Бурятского госуниверситета

2007

**Фотоальбом «Дни в Романовке». Опыт реконструкции жизни
старообрядческой общины в Маньчжурии 1936-1945 гг.**

В течение двух лет Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток) принимает участие в международном проекте – издании фотоальбома «Дни в Романовке. Жизнь старообрядческой общины в Маньчжурии 1936-1945 гг.».

Уникальность исторического пути, пройденного старообрядческими семьями из Приморья, невозможно переоценить. Покинув край в 20-30-е гг. XX в. в связи с насильственной коллективизацией и репрессиями, старообрядцы нашли временный приют в северо-восточной части Китая, где с 1932-1945 гг. существовало марионеточное японское государство Маньчжоу-Го. Со временем приморскими старообрядцами там было основано несколько старообрядческих поселений: Селинхэ, Масаловка, Медяны, Чапигоу, Коломбо и др. Деревня Романовка была одной из них. В 1945г. в Китай вошли советские войска: Маньчжоу-Го прекратило свое существование, а старообрядцам предстояли новые испытания. Часть мужчин из Романовки была арестована и насильно увезена в СССР, где они получили разные сроки заключения. Оставшиеся старообрядцы сделали трудный выбор сами. Часть из них вслед за мужьями и сыновьями вернулась в СССР (со временем большинство российских «харбинцев» обосновалось на постоянное место жительства в Хабаровском крае п. Березовый, п. Тавлинка). Другая часть предпочла эмигрировать, положив тем самым начало расселению приморских староверов по всему миру: Южная Америка, США, Канада, Австралия. Большая часть «харбинцев» живет сегодня в США шт. Орегон, шт. Аляска.

Факт существования старообрядческой колонии на территории Маньчжурии стал широко известен после публикации на русском языке статьи японского ученого – слависта Ёсикадзу Накамура в 1992 г. [1: 113-124]. Его доклад основывался на почти неизвестных для российских исследователей монографических исследованиях японских авторов Фудзияма Итиро (заместитель директора Центрального государственного музея Маньчжоу-Го) и Ямадзэо Сабура (научный сотрудник Исследовательского института освоения земли при КВЖД), посвященных старообрядческой Романовке.

Книги Фудзияма Итиро и Ямадзэо Сабура были хорошо иллюстрированы рисунками, чертежами, планами, а также фотографиями, запечатлевшими жителей с. Романовка.

Два года назад профессор Ё. Накамура сообщил нам невероятную новость: жив еще автор одной из книг Ямадзэо Сабура! Ему 96 лет и живет он в префектуре Гумма (к огромному сожалению, г-н С. Ямадзэо умер в январе 2007 г.). Сохранился полностью его архив фотографий по Романовке. Многие из них никогда не были опубликованы.

Хорошо понимая их ценность, Ё. Накамура предложил издание этого неизвестного источника в виде фотоальбома «Дни в Романовке. Жизнь староверов в Маньчжурии 1936-1945 гг.», согласие на публикацию дал сам автор г-н Сабура

Ямадзоз. Поскольку «харбинцы» к настоящему времени расселились по всему миру, проект стал международным: от Японии в нем участвует Ё. Накамура, от США (шт. Орегон) – Р. и Т. Моррис, с российской стороны – В.В.Кобко, Н.Б.Керчелаева.

Благодаря профессору Ё. Накамура мы получили в свое распоряжение 212 фотографий о жизни староверов в Романовке. Большинство из них принадлежали С. Ямадзоз (1908 г.р., биохимик по специальности), который с 1938 г. по 1941 г. работал научным сотрудником Института освоения земли, филиала токийского Института о науке труда, находившегося на ст. Ханьдаохэцзы в Маньчжурии. Со временем Ё. Накамура удалось обнаружить также неопубликованные фотографии о Романовке и других японских фотографов.

Правильное прочтение и, как следствие этого, успешное использование архивного визуального материала зависели от многих обстоятельств, в первую очередь от знания его специфического языка. Чрезвычайно интересно было взглянуть на эту коллекцию как на явление визуальной антропологии. Фотографии свойствен механически точный перенос информации, но в то же время она субъективна, поскольку выбор автора присутствует во всем, что изображено, от начала и до конца. Свообразие нашего материала заключалось и в том, что русский культурный феномен в свое время был задокументирован японскими учеными. Интересно также, что встреча этих двух разных культур (японской и русской) произошла на территории, чужой для обеих культур. Одними, старообрядцами, эта территория (Маньчжурия) уже успешно осваивалась, другим, японцам, только предстояло это сделать. Фотоматериалы в немалой степени свидетельствовали о том, как происходило это знакомство.

Для реконструкции по уникальным фотографиям исчезнувшего в середине XX в. мира старообрядческой Романовки нам предстояло выполнить сложные задачи. Сначала попытаться «прочитать» концепцию фотоархива С. Ямадзоз, который мы получили в свое распоряжение, затем перевести визуальный язык в письменный.

Немного статистики, которая, на наш взгляд, по-своему отразила характер взаимоотношений участников встречи. Из 212 фотографий в будущий альбом вошло 165 (т.к. часть фотографий была исключена по причине повторов сюжета, ракурсов). Из них 123 принадлежат г. С. Ямадзоз, 32 – другим фотографам. В действительности нам известно гораздо больше фотографий г-н С. Ямадзоз: они иллюстрируют уже упомянутые нами книги о жизни старообрядческой общины д. Романовки. Если учесть и их, то общее количество будет 290, из них повторились в нашем собрании только 29 фотографий, т.е. каждая десятая. Ни один сюжет не повторился.

Большое разнообразие сюжетов по этой теме свидетельствует о многосторонних интересах японцев к жизни общины в Маньчжурии.

Бесспорно, стратегический фактор развития страны оказал решающее влияние на интерес японцев к русским крестьянам: правительство, решая проблемы преодоления экономической депрессии и избыточности сельского населения, с 1936 г. начинает массовое переселение крестьян в Маньчжурию [1: 114]. Опыта континентальной колонизации столь северных территорий у островной Японии еще не было, поэтому успешный опыт адаптации и выживания русских староверов, волей судьбы оказавшихся на чужой территории в иноязычном окружении,

показался японцам примером, достойным подражания и изучения. Сам г-н С. Ямадзоэ так вспоминает об этом времени: «Нас, японских ученых, больше всего поражала невероятная жизнеспособность, изобретательность староверов-романовцев, без чего совершенно нельзя было бы выжить в суровом климате Манчжурии». Романовка не случайно была выбрана японцами в качестве объекта научных исследований: решающее влияние здесь оказали удобное географическое положение русской деревни вблизи от главных дорог и то, что некоторые жители села, а именно переселенцы с Южного Сахалина, могли свободно говорить по-японски.

Уже при беглом знакомстве с коллекцией нас удивило большое количество постановочных фотографий жителей Романовки – 47 фото (более 38% от всего числа): младенцы на фоне домашнего ковра, подростки на фоне плуга, группа детей, художественно рассеявшихся на прясле, романтические глаза девочки с травинкой в руках.... Почему именно таких фотографий оказалось много в собрании С. Ямадзоэ? На наш взгляд, здесь уместно вспомнить о важности такого фактора, как интеркорпоральность в пространстве встречи культур. «В условиях транскультурной встречи надежду на полноценность встречи с чужим... связывают с интеркорпоральностью, сродством и контактностью нашей плоти, феноменально-телесной природы. Более того, обращение к нашей феноменальной телесности дает повод говорить о витальной взаимосвязи своего и чужого, о присутствии неисчерпаемо чужого в своем и вызове со стороны чужого, как необходимом условии развития своего, разворачивания скрытых в себе возможностей» [2: 55]. Безусловно, встреча японцев с чужой культурой, начатая интеркорпоральным контактом, была продолжена и на логическом уровне (вербальном, дискурсивном), но в видеоматериале не мог не отразиться прежде всего контакт интеркорпоральный.

Нацеленность автора легко прочитывалась в видеоряде: из 123 фотографий 71 характеризует традиционные хозяйственные занятия староверов – охоту, земледелие, животноводство, пчеловодство, а также быт крестьян. «Мы ... интенсивно исследовали повседневную жизнь жителей д. Романовки», – вспоминает С. Ямадзоэ. Подавляющее количество фотографий в нашем собрании именно с такими сюжетами. И в этом усматривается великий смысл: познакомить японцев с обычными людьми в их обыденной жизни, подготовив своих сограждан, будущих колонистов, к той мысли, что и они, как эти обыкновенные люди, смогут преодолеть все тяготы вживания в новую культуру на новой территории. Красивые, экзотические для японцев обряды были оставлены ими по ту сторону объектива. Лишь две-три фотографии запечатлели один из предсвадебных обрядов – девичник, но это было, скорее всего, фиксацией одного из этапов привычного жизненного круга – от рождения до смерти.

За многолетний период полевой работы в старообрядческих общинах мы неукоснительно следовали правилу строгого отбора письменного материала или видеоматериала для публикации. Действительно, публикация видеодокументации – дело чрезвычайно ответственное: возникает проблема соблюдения этических установок. С этого момента появляется необходимость «учитывать в качестве равноправного члена нравственного договора не только автора и зрителя, но и запечатленную действительность, персонифицированную в людях...» [3: 27].

Как пишет Ё. Накамура, ссылаясь на уже упомянутые монографические исследования, всем японцам, посетившим Романовку, было известно, что в отличие от других русских эмигрантов, жители Романовки – староверы. Нам было чрезвычайно интересно, как выстраивали свои отношения японцы с такой сложной, отличающейся закрытостью, конфессиональной группой как старообрядцы и отразилось ли это в видеоматериале? Даже несведущий в конфессиональных тонкостях зритель сразу отметит, что фотографий жителей старшего поколения, тем более стариков, в коллекции почти нет. «Японцы все на улице фотографировали, – объясняет сегодня Л.И. Гостева (девичья Зубарева), – в дом-то не каждый пустит с фотоаппаратом. Если б дед наш увидел – ох-ох-ох! Так снимали, помню, все больше на лужайке. Взрослые-то никто не участвовал, одни мы, ребяташки...» [4: 36]. Ё. Накамура отмечал, что «японцы, посещавшие Романовку, мало внимания обращали на духовную сторону жизни романовцев. Возможно, сдерживали свое любопытство, чтобы не оскорблять религиозных чувств» староверов [1: 121]. Действительно, поведение фотографа-исследователя отличалось корректностью: в коллекции почти не было фотографий, оскорблявших религиозные или нравственные чувства романовцев. Только одна фотография вызвала у наших собеседников неоднозначную реакцию. На ней изображен интерьер старообрядческой моленной. «Надо же, разрешили сфотографировать, на память, наверное. У нас тут, вишь, не шибко разрешают чужим в моленну...» [4: 44]. «Смотри-ка, японца пустили, ведь это ж он фотографировал? А как его туда пустили?» [4: 13]. «Да – а, японцы снимали. А что сделаешь? Под их игой жили...» [4: 31].

Как это ни удивительно, но видеоматериал С. Ямадзэ позволил нам рассуждать о полевых методах визуальной антропологии, которые имеют много общего с методами, принятыми и широко используемыми в этнологии. Например, метод вживания в чужую культуру, который в том числе предполагает проживание среди местных жителей, ежедневное общение с ними. То, что японцы работали именно так, вспоминают и сами староверы из Романовки. Их очень подкупило трудолюбие и умение японцев учиться. Таких рассказов мы выслушали немало. Вспоминает Н.И. Селетков:

«В Романовку японцы часто приезжали. И военные, и на лошадях, и студенты. В 40-х гг. приехал к нам студент, лет 25. Учиться сельскому хозяйству. Он у нас жил. Когда студент этот жил у нас, он и ел, все, что мама готовила, и на лошадях ездил, учился русскому обычаю, как хозяйство вести. Все записывал. Спали мы с ним на чердаке в амбаре. Отец еще только солнышко взошло, кричит: «Встава-айте!». Мы с ним пахали, сеяли, жали, молотили. Отец по 220 снопов нажал серпом, а японец сколько старался, Боже мой, но только 205-206 получилось.. Вот хлеб вырос, отмолотили, студент нам и говорит: «Ну, все домой поеду». Отец ему и говорит: «Я тебе должен заплатить», тот отказывается: «Нет, нет!». Но отец ему дал сколько-то рублей. Ну, примерно 200. Тот все ж таки принял. Спрашивает японца: «Ну, а теперь, что делать будешь»? Японец ему отвечает: «Буду преподавать, учить сельскому хозяйству» [4: 12].

Стараясь угадать, как на самом деле происходил диалог культур, мы с особым вниманием рассматривали фотографии, ведь чуткий глаз фотокамеры сразу выдает искусственность ситуаций. К нашей радости, мы не увидели снисходительности и превосходства японцев по отношению к чужой культуре. От фотографий исходило столько человеческого обаяния. Авторы явно любят свои герои. На снимках, где японцы и романовцы изображены вместе, видно,

насколько свободно и естественно ведут себя обе стороны. Знали ли японцы об отношении староверов к ним? Важно ли это было для них? Не знаем, но нам повезло выслушать много интереснейших воспоминаний о знакомстве и встречах с японцами. Вспоминает А.И. Гуськова (Селеткова):

«В 1942 г. я выткала поясок именной Камимуре. Он был важный человек из Верхней палаты Японии. Они приехали с подарками. А невестка не пускала меня, чтоб я сама подарила ему поясок, разбурчалась: «Что ты пойдешь, девчонка, с мужиками...». Я рассердилась, сяду на коня и упылила в Медяны. Ишшы меня... Когда она принесла подарочек-то, и ему (японцу) прочитали, что написано на поясе, он и говорит: «А где эта мастерица?» А ее нету... Невестке нечего было ответить.... Вот и не отдал он ей припасенный подарок. Подарок – то принял, а отдарок-то, вот он ей не отдал ... А подарок мне припасен был бо-о-ольшой, целый сверток. Сестра говорит, он сверток большой нес...» [4: 60].

Следуя логике видеоматериала, участники проекта разработали структуру альбома, в котором первая глава была посвящена Романовке, три следующих – главным героям альбома – жителям Романовки (дети, молодежь, семейные пары), в дальнейших главах мы поместили фотографии того, что составляло каждодневную жизнь, – традиционных занятий романовцев (охота, земледелие, животноводство, домашний быт крестьян). Завершают изобразительный ряд альбома фотографии японских фотографов, кинооператоров, ученых.

Дальнейшая наша работа заключалась, если можно так выразиться, в «озвучивании» визуального текста, который мог быть достойно расшифрован только самими героями из исчезнувшего навсегда мира русской Романовки. Эта работа заняла у нас три полевых сезона, два из которых мы провели в Хабаровском крае (п. Березовый, п. Тавлинка), где проживает большая часть группы репатриантов из Маньчжурии, один сезон совместно с нашими коллегами Р. и Т. Моррис в США, шт. Орегон, где проживает большая часть «харбинских» староверов. Получив в свое распоряжение множество текстов, воспоминаний от информантов, мы должны были с наименьшими потерями интерпретировать их для реконструкции более или менее целостной картины жизни старообрядческой общины в Маньчжурии с 1936-1945 гг.

Фотография на наших глазах становилась машиной времени, волшебным предметом, вызывающим из небытия не только образы, но и овеществленную память. Маленькая девочка Марфа Калугина, нянчащая на одной из фотографий свою племянницу Аринушку, предстала перед нами уже 70-летней Марфой Ивановной Басаргиной, которая, глядя на фото, вспоминала, «что за то, что зыбку крестнице Арине качала, братка Анисим подарил отрез на сарафан». И это был первый сарафан, который она шила сама. Стараясь выкроить из ткани еще и запон, не рассчитала, и сарафан получился короткий, а потом «мама ругала за это, за косу трепала». Минутой позже мы увидели и сам сарафан, чудом сохранившийся у нее. А позднее мы познакомились в Орегоне и с той девочкой, что лежала в зыбке – Ариной Анисимовной Калугиной-Ревтовой.

При взгляде на фотографию с иконостасом романовской моленной та же Марфа Ивановна расплакалась: «Это ж наши, вот эти две, наши иконы, потом меня ими тятя с мамой благословляли. Да вот они!» – и Марфа Ивановна показала нам уже начищенные перед Пасхой иконы Богородицы и святителя Николы.

Стало понятно, что невозможно разрывать видеоряд и воспоминания героев. Читатель-зритель должен воспринимать оба текста – визуальный и нарративный

одновременно, поэтому в начале каждой отдельной главы, посвященной определенной теме, мы поместили не наши комментарии, а рассказы самих романовцев о своей жизни. Соединение визуального ряда с воспоминаниями создавали полную иллюзию проживания

Для дальнейшей работы нам нужно было представить само реальное пространство встречи культур – Романовку. В японской коллекции было достаточное количество фотографий с общими видами деревни, ее главной улицы, переулков. Безусловно, эти фотографии были понятны романовцам, но сначала для нас они оставались только видами, вырванными из какого-то общего зрительного контекста. Нам необходимо было представить включенность поселка в текст карты, а затем увидеть саму деревню с высоты птичьего полета. В этом нам очень помог составленный на основе воспоминаний схематический план деревни, на котором мы разместили фотографии с видами деревни. Вскоре мы уже с легкостью ориентировались в проулках Романовки, окрестных водных источниках, дорогах. «Сам поселок на бугру метров 6 высотой, бугор ровный как плато... Ну, и вот, наших-то и угораздило там основаться. Понравилось.... Ну, и правда, красивое место было, такое высоконькое. ..» [4:5].

Замечательные фотографии С. Ямадзэ сразу перенесли нас в пространство деревни. Глубинное построение кадра хорошо передает магию уходящей вдаль дороги, манящей зрителя внутрь кадра. Зритель неизбежно идет по этой улице. «Улица широкая, прямая как стрела». Оба порядка домов были разделены несколькими проулками. По одному из них с левой стороны улицы шла дорога к другой старообрядческой деревне – Медяны. Дорога уходила под уклон, поэтому каждую зиму здесь ребятишки устраивали горку. А внизу под горой, с этого же края села, была большая поляна – Подгорна, любимое место развлечений детей и взрослых. «Это там Подгорна у нас поляна была. Там раньше под горой китайски пашни были, потом овечки там паслись. Ровненько тако место, чистенько. В лапту там играли» [4: 18]. У речки Лючихеза стояла общественная мельница, а на ключе – мельница Петра Зубарева. На окраине западной части села был общественный ток.

Большой проблемой для романовцев была вода. Река Лючихеза и ключик протекали внизу под горой. «По воду ходить было далеко. Колодец было всего два. Потому что вода глубоко проходила. У нас колодец был, а воды в нем часто не было. Особенно не хватало воды зимами, весной...» [4: 10]. А вот Семен Зиновьевич Калугин сумел очень удобно устроиться. «Он походил и усмотрел, что там талики есть, вода зимой не замерзает. И по воду сходить, и скота напоить близко...» [4: 9].

На юго-западной стороне поселка находились развалины китайской крепости. На правах основателя поселка это удобное место облюбовал себе Иван Трофимович Селетков, устроив здесь пасеку.

Одним из самых важных общественных мест была моленная. Строили ее всем обществом в 1939-1940гг.: «...Когда начали, – припоминали романовцы, – первый венец только начали залаживать, ни с того, ни с сего вихри налетели.... И на них, и по всему поселку крутятся... И погода была обычной, и перепадов не было... Так в них мужики топоры бросали, в щепки разметывало...» [4: 13].

Кладбище романовское находилось под горой с восточной стороны. Несколь-

ко снимков напоминают об очень грустной истории любви молодых людей. Её помнят все романовцы. «Это (на фото – В.К.) – мама Агафья Феопентовна на могиле убитого брата моего. Сидит справа Ирина Бодунова...»; «... Елисей за-сватал Ирину Бодунову. Девишник идет, песни поют... А тут его мужики позва-ли на охоту мяса набить на свадьбу. ... Поехали. Набили коз, всяко мясо много. Мясо стали грузить на лошадей. . Китайцы их увидели, ... стрелили, да и убили. Ирина, как узнала, кросоту сбросила, плачет ... Сильно переживала, любила его сильно...» [4: 42].

Поразительно, что здесь в Романовке, мы столкнулись с продолжением даль-невосточной истории о Беловодье. Одно из мест на юго-западной окраине Рома-новки называлось Филиппины. Этот край села застраивали позднее всего. Не-обычное это название никто из российских романовцев нам объяснить не смог. Зато помнили об этом романовцы орегонские. Петр Евстафьевич Калугин рас-сказал нам, что в 1940-1941 гг. несколько романовских семей (Говязины, Томи-ловы) собирались уезжать на Филиппины искать там Беловодье. «Филиппины... Оне носились с этой идеей... Был разговор у нас о Беловодье. Это вроде дер-жавка така маленька, там вроде боле спасенья христианам... Калугины Катери-на, мой дядя Ревтов Епифан Михайлович собирался в Беловодье... В Китае еще по первости говорили про Беловодье, про Филиппины, а когда уж красный Ки-тай стал, не было уж таких разговоров...» [4: 19].

Наш метод работы в поле был очень прост. Мы записывали все, что скажут наши собеседники по каждой фотографии, все, что смогут вспомнить о том, что изображено на ней. При окончательной работе с текстами все фрагменты воспо-минаний, относящихся к каждой фотографии, соединяли. Появлялся удивитель-ный эффект многоголосия, живого обсуждения увиденного.

Постепенно из этих фрагментов складывалась картина повседневной жизни Романовки. Использование разных приемов (шумы, музыка) позволяют создате-лям кино и видеоматериалов вдохнуть жизнь в сюжет. Нас в этой ситуации спасали некие бытовые мелочи, жизненные подробности, которые необычайно расцветчивали романовский мир, оживляли его, придавая ему полнокровность, своеобразие. Петр Стахевич Калугин, разглядывая снимки, узнал в подростке, стоящим спиной к зрителю, своего дядьку Тимофея Калугина. Узнал по сапогам.

«...Да, это ж его сапоги... Вот они ему малы, эти сапоги, а шляпы у него не было. А у меня красивая шляпа была.. Вот мы с ним и поменялись на Пасху. Ох, и бродил я в этих сапогах... И в грязь, и везде.. И за всю Пасху ни раз не почистил эти сапоги. Вот он пришел за ими, взял у сестры Афимьи крем и стал чистить сапоги. Мать потом на меня: «Вот ты выбродил сапоги, а он у Афи-мьи полбанки крема вычистил...». Обидно мне было. Что ж Петька должен босиком ходить? Что ж Петька не зарабатывает? Да-а, пожалела мать полбаночки крема..» [4: 11].

Фотография – лишь запечатленный миг. Она не приспособлена для передачи действия в развитии. Но ряд фотографий, выстроенных определенным образом, уже способен это сделать. С. Ямадзэ снимал жизнь романовцев за привычной им работой в разные сезоны года. Воспоминания, эмоционально подчеркнутые видеорядом, как нельзя лучше передают это размеренное движение жизни, соз-дают ритм времени. «Вот посевная отошла, мужики все на пантовку. Приехал с пантовки, а это как раз июнь-июль, тут уж ячмень жать надо. А потом тут и се-

нокос. Только откосили, надо хлеб убирать. Уборку убрали, надо на рев ехать. С реву пришли – надо хлеб в скирды, клади собирать. А там молотить надо. Отмолотили, опять на охоту собираются» [4: 46].

Безусловно, вне нарративного текста (воспоминаний романовцев) визуальный текст не позволил бы зрителю вполне ощутить историко-культурный контекст. Воспоминания старообрядцев демонстрировали включенность романовцев в современную им жизнь. При кажущемся на первый взгляд всецелом поглощении повседневными заботами в воспоминания жителей Романовки то и дело врываются конкретные жизненные реалии, приметы времени, имена известных исторических деятелей. Так, «наместник Пу И» помог староверам в окончательном отведении земли под деревню [4: 46]. Свадьба Марфы Калугиной и Анисима Басаргина совпала в 1947 г. с боями местного значения с наступившими чанкайшистами: «Свадьба у нас была военная. От нас (из Романовки) к Анисиму уж поехали (в Селинхэ), а встретить некому, только Анисим идет невеселый: «Встречать некому: воюем, отец на сопках сидит».... Ну, потом все-таки первый день отгуляли хорошо... На второй день пошла коров доить, хоть и стреляли. Решила напрямик, через прясла, а пули дзинь-дзинь по ведру.... Всех мужиков забрали воевать. Китайцам потом наказывали: если только тронете наши русские поселки – снесем с лица земли. Но год еще полудюны и чанкайшисты воевали. Наши бригады разделились и охраняли поселок» [3: 37]. Хунхузничество – особый период истории Китая. Горькими воспоминаниями об этом времени наполнены рассказы почти каждой семьи.

Судьбы героев расширили хронологические рамки видеоматериала. Мы узнали о жизни их в Приморье, горестную историю ухода из родных мест каждой семьи. Нам рассказывали и о не менее суровом и жестком времени после 1945г., и новой одиссее романовцев вокруг света. Их судьбы связали эти временные отрезки воедино.

Важнейшей заслугой японских фотографов является создание портретной галереи романовцев. Благодаря японским фотографам мы получили в свое распоряжение портреты людей, о которых мы знали только по рассказам родственников, потомков. В соединении с фотографией воспоминания рождали удивительное чувство сопричастности истории.

Итак, фотографии запечатлели несколько лет благополучной жизни Романовки. Зритель, не знакомый с судьбой ее жителей до и после маньчжурского периода, увидел бы в этой видеоистории только одну из страниц жизни и быта русской диаспоры. Совсем по-иному, с чувством особого трагизма, воспринимали ее те, кто знал, что уже пережили старообрядцы, и, главное, какие испытания у них впереди. В нас это предзнание рождало чувство безвозвратно потерянной части русской культуры, а у наших героев – навсегда утраченного родного дома, близких людей, сердечного покоя. Получалось, что возможно разное прочтение этих фотодокументов? Чтобы избежать этого разночтения мы решили включить историю самой Романовки в исторический контекст: участниками были написаны авторские тексты, знакомящие читателей-зрителей с предысторией появления староверов в Романовке и с судьбой общины после 1945 г. Нам кажется, что тем самым мы дали читателю хороший шанс вернуться к самому видеоряду и совсем уже по-другому осмыслить эти несколько счастливых дней в Романовке.

Кроме того, во время работы у нас постоянно возникал один и тот же вопрос, как позиционировать себя в этой цепочке: фотограф – фотография – информант-зритель? Наше изначальное желание стать максимально «прозрачными» и избавить читателя-зрителя от нашего субъективного, авторского восприятия двух текстов было, к сожалению, невыполнимо. Начиная с одного из главных звеньев цепочки – «фотография», мы, авторы фотоальбома, вольно или невольно становимся интерпретаторами текстов, со-участниками ПАМЯТЕТВОРЕНИЯ: мы взяли на себя смелость именно так «прочитать» видеоматериал С. Ямадзоз, от наших знаний зависело то, какие вопросы мы зададим нашим собеседникам, с какими воспоминаниям их расположим. К тому же окончательный отбор воспоминаний наших героев для фотоальбома мы также взяли на себя.

Подводя итог, можно сказать, что архив фотодокументов японских ученых, фотографов является уникальным неизвестным первоисточником по изучению приморского старообрядчества в период 30-40-х гг. XX в. Совместными усилиями ученых трех стран России возвращен целый пласт ее живой исторической памяти. Для потомков романовцев, детей, внуков альбом станет овеществленной, осязаемой памятью и знанием.

1. Накамура Ё. Романовка – поселок староверов в Маньчжурии (1936-1945гг.) // Незримые мосты через Японское море. СПб.: Гиперион, 2003. 272 с.

2. Рокитянский В. Время встречи. Этнограф и «другой»: логика развития этнографического самосознания в XX в. // Гуманитарный симпозиум. Открытие и сообщаемость культур. М. 1998. С. 49-60.

3. Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М., 2003. 98 с.

4. Полевой дневник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (далее ПД ПГОМ № 21).

В.В. Тимофеев
г. Чебоксары

Старообрядческие общины и приходы в Австралии (1958-1983 гг.)

Большинство старообрядческих приходов и общин в Австралии созданы староверами, переселившимися в эту страну из Китая, куда они попали несколькими волнами эмиграции из Сибири и Дальнего Востока России в конце 1910-х-начале 1930-х гг. После установления в Китае в 1949 г. власти коммунистического правительства и проведения земельной реформы, старообрядцы в числе других русских эмигрантов в конце 1950-х гг. стали покидать Китай, переезжая сначала в Гонконг, а уже оттуда – в другие страны, в том числе в Австралию и Новую Зеландию.

Исход старообрядцев из Китая происходил целыми общинами, которые увозили с собой и церковные святыни. Например, настоятель кафедрального Петропавловского собора в Харбине протоиерей Иоанн Кудрин увез с собой из Харбина в конце 1957 г. сначала в Гонконг, а в начале 1958 г. – в Сидней богослужебные сосуды, книги, иконы, облачения, антимины, мирро, архиерейские дикирий и трикирий, принадлежавшие Иркутско-Амурскому епископу Иосифу